

Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов

С. Ю. НЕКЛУДОВ

Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ

Как известно, зачин является одним из важнейших элементов эпического текста. При этом он почти всегда обладает значительной композиционной автономностью и, соответственно, может быть достаточно легко отделен от всего корпуса произведения; критерием для подобного отделения служит его сюжетно-тематическая обособленность. Во-первых, он содержит сведения, как бы факультативные по отношению к основному содержанию эпоса, но подчас весьма обильные. Во-вторых, в нем — по сравнению с остальным текстом — преобладают статические описания, имеющие своей целью представление хронотопа последующих событий и самого героя (именно в такой почти не нарушаемой последовательности: время—пространство—герой). «Динамическая составляющая» этих описаний (не имеющая финализации в последующем повествовании), практически сводится к глаголам с семантикой 'возникновения' и 'становления', которая соответствует мифологической (конкретно — космогонической) теме «раннего времени» [НЕКЛУДОВ 2005б: 117–132]: *Когда распускалось / Первое дерево, / Когда отеллась / Могучая изюбриха...* [ТУЛОХАНОВ 1991: стк. 32–35]; *Когда заново утвердились лучи солнца, когда заново начали жить по восьмидесяти тысяч лет, когда сызнова стали проповедывать собрание восьмидесяти четырех тысяч учений...* [ВЛАДИМИРЦОВ 1923: 203]; *Когда впервые пал луч желтого солнышка, когда стала расти вера тысячи будд этой калпы, когда жители этого подсолнечного мира только что начали расти-множиться, во время, когда стала распространяться вера Шакьямуни* [ВЛАДИМИРЦОВ 1923: 204]; *Когда солнце еще только всходило, / Когда листва еще только распускалась, / Когда луна еще только всходила, / И учение еще только распространялось* [РИНЧИНСАМБУУ 1960: № 1].

Переход от описательной статике к сюжетной динамике служит сигналом окончания зачина. В большом количестве случа-

ев это будет его финальная фаза — представление героя: *Всех ханов величайший, / Всех-всех владык первейший, / Эных Болдханом именуемый некий хан был...* [НАРАНТУЯА 1991: № 8]; *Западным материком владеет рожденный / Алтан Гургалдай-хан был, говорят...* [НАРАНТУЯА 1991: № 3]; *От небесного Хормустытенгрия / Великий, могучий / Десяти стран [света владыка] Гесер-богдо / На золотую землю спустился, / В материнском чреве шевельнулся, / Владыкой мира стал* [НЕКЛУДОВ–ТУМУРЦЕРЕН 1982: № 1]; *Славный витязь родился, говорят, безраздельно завладев этим подсолнечным миром. Стал он славным витязем подсолнечного мира, родился он, став владыкою этого подсолнечного мира* [ВЛАДИМИРЦОВ 1923: 204]. Впрочем, иногда представление героя происходит не в конце, а где-то в середине зачина (бурятский эпос «Еренсей» [ХОМОНОВ 1968: стк. 10 и сл.]) или даже в его начале (бурятский эпос «Аламжи-мэргэн» [ТУЛОХАНОВ 1991: 56–57]); этой последней фазой иногда оказывается также строительство герою дома/дворца [НЕКЛУДОВ 2005а] или его выезд из дома («Эгиль-мэргэн», «Эргиль-Тюргюль» [ВЛАДИМИРЦОВ 1923: 207–208, 219–220], «Престольный-мудрый государь» [Вейт 1977: 23]). Наконец, маркером перехода к сюжетной части можно считать появление врага или первой информации о нем («Трехлетка Красный богатырь» [HEISSIG 1979: 84–85]).

Размеры эпических зачинов, как и объемы самих произведений, в разных монгольских традициях различаются весьма существенно (см. Табл. I; в двух случаях учитываются разные критерии сегментации текста — до выезда героя из дома [*] и до появления врага[**]):

Таблица I

	Название эпического текста	Общий объем (к-во строк)	Объем зачина (к-во строк)	Соотношение общ. объема и зачина
бурят.	«Аламжи-мэргэн» [ТУЛОХАНОВ 1991]	5297	317	1/16
	«Еренсей» [ХОМОНОВ 1968]	9520	236	1/40
ойрат.	«Эргиль-Тюргюль» [ВЛАДИМИРЦОВ 1923]	1724	178 (600*)	ок. 1/10 (1/3)
	«Эгиль-мэргэн» [ВЛАДИМИРЦОВ 1923]	1815	200 (400*)	1/9 (1/4, 5)
	«Буджин Дава-хан» [КАТУУ–ЛУВСАНБАЛДАН 1982]	2200	1000	ок. 1/2

калм.	«Замбал-хан» («Джангар» [Биткеев–Овалов 1990])	1930	857	ок. 1/2
	«Хара Киняс» («Джангар» [Кичиков 1978])	3143	964	ок. 1/3
	«Шара Гюрге» («Джангар» [Кичиков 1999])	2630	239	ок. 1/10
монг.	«Абай Хэлэн Галдзу-батор» [Жамцарано–Руднев 1908]	430	210	1/2
	«Хэлэн Галдзу-батор» [Намнандорж 1960]	850	173	1/5
	«Хилин Галдзу-батор» [Нарантуяа 1991]	990	180	1/5
	«Престольный-мудрый государь» [Veit 1977]	1370	270**	1/5
	«Трехлетка Красный богатырь» (1) [Heissig 1979]	696	120**	св. 1/5
	«Трехлетка Красный богатырь» (2) [Heissig 1979]	380	145	св. 1/3
	«Трехлетка Гунан Улан-батор» [Нарантуяа 1991]	240	34	св. 1/3
«Алтан Гургалдай» [Нарантуяа 1991]	1729	52	1/33	

Эти выборочные данные по фольклорным текстам бурят, ойратов, калмыков и монголов подтверждают наблюдения, сделанные ранее: среди эпосов монгольских народов наибольший объем — у самых архаических бурятских (точнее у западнобурятских) текстов, примерно от 5 до 10 тыс. строк; далее следуют ойратские (и близкие к ним калмыцкие) — примерно 2–3 тыс. строк; наконец, наименьшими являются монгольские (и собственно халхаские, и восточномонгольские), размеры которых обычно составляют несколько сотен строк и редко превышают тысячу. Впрочем, модернизирующие тенденции в эпическом творчестве противоречивы; так, есть основания полагать, что некоторые из «больших» текстов в составе традиций, характеризующихся «малыми» эпическими формами, возникают вследствие позднейших процессов [Неклюдов 1999: 193]. Это может относиться и к халхаскому «Алтан Гургалдаю» (1729 стк.) [Нарантуяа 1991, № 3], и к восточномонгольскому «Престольному-мудрому государю» (1370 стк.) [Veit 1977, S. 11–72], и к некоторым синьцзян-ойратским эпическим текстам [Кичиков 1992: 131–132, 143].

При привлечении большего количества материала (а общее количество записанных монголоязычных эпических текстов чрезвычайно велико) разброс между максимальными и минимальными величинами, вероятно, увеличится; тем не менее, приведенные сведения все же показательны для понимания общей картины.

Необходимы, однако, некоторые оговорки. Прежде всего, здесь (и в дальнейшем) не использовался материал бурятских версий эпоса о Гесере. Во-первых, его объем, вообще-то не очень выходящий за пределы «обычного» (10520 стк. эхирит-булагатской версии ЖАМЦАРАНО [ХОМОНОВ 1961] и 12535 стк. унгинской версии МАДАСОНА [УЛАНОВ 1960]) может быть удвоен (до 22074 стк. эхирит-булагатской версии ЖАМЦАРАНО) за счет циклизующих процессов, вовлекающих в состав эпопеи «генеалогические продолжения» — повествования о сыновьях героя Ошор Богдо и Хурин Алтае [ХОМОНОВ 1964]; сходные процессы наблюдаются в «продолжениях» монгольской книжной Гесериады, которые сильно превышают по своему объему «основной» корпус произведения, включающий семь или девять глав. Во-вторых, обстоятельный зачин устных бурятских версий (своего рода «небесный пролог») по своей структуре и семантике является образованием, уникальным для монгольских эпических традиций — со своим сюжетом, который должен рассматриваться отдельно [НЕКЛУДОВ 1984: 196–198, 215–220].

Кроме того, надо иметь в виду, что в таблице представлены материалы разного времени: второй половины XIX в. (самые ранние записи «Джангара» [КИЧИКОВ 1978, 1999; БИТКЕЕВ–ОВАЛОВ 1990: № XI]), начала XX в. (записи ЖАМЦАРАНО и ВЛАДИМИРЦОВА), середины XX в. (большая часть монгольских текстов). В принципе, за этот почти столетний период происходило угасание фольклорных традиций, выражающееся помимо всего прочего и в сокращении объемов эпоса. Тем не менее, для общей характеристики выявляемых соотношений этими изменениями можно и пренебречь. Как показывают разновременные фиксации одной традиции (или группы близких традиций), их разрушение радикально не меняет такой важный жанровый показатель, как объем произведения (разве что увеличивает «разброс» между его максимумом и минимумом).

Иначе обстоит дело с объемами эпических зачинов. Безусловно «лидируют» — с большим отрывом — не бурятские, а ойрат-калмыцкие традиции, в которых зачины подчас достигают

1000 строк, причем речь идет не только о старейших записях («Джангар»), но и об относительно недавно зафиксированных ойратских текстах Западной Монголии. Таким образом, зачины в ойрат-калмыцком фольклоре по своему объему могут превышать целые эпические произведения монгольской традиции. Что же касается соотношения объемов зачина и всего текста в целом, то здесь колебания весьма значительны: от 1/40 до половины, при этом «доля» зачина в общем корпусе текста минимальна у бурятских традиций. В редких случаях она бывает невелика и в ойрат-калмыцком, и в монгольском эпосе, но обычным соотношением надо, вероятно, считать 1/5–1/2.

Вернемся к теме «раннего времени», на которой построен рассматриваемый тип эпического зачина. Следует отметить, что в сложении эпоса монгольских народов не участвует историческое предание (как в эпических традициях более поздней формации). В нем практически не отразились исторические воспоминания, а картина мира строится исключительно на мифологической основе. Соответственно, в зачине — независимо от степени его развернутости — начало эпических событий синхронизировано с этим мифологическим «ранним временем» (а не с исторической «древней эпохой») [Неклюдов 2005б: 118–120].

Тема «раннего времени» является общей для эпического зачина и вступительной формулы сказки, однако предельно детализирована она именно в эпосе, а в сказке обычно предстает свернутой до размеров краткого вступительного трафарета, минимальной формой которого будет одно временное наречие со значением 'прежде', 'в старину', 'давным-давно' и пр. (например, *урдань, урданай*, бурятских сказок).

Само время обозначается словом *цаг* (бурят. *caɣ*), гораздо реже — *үе* 'период', 'эпоха', 'время', иногда в сочетании со словами *жил* (бур. *жэл*) 'год', *сар* 'месяц' (например, *Саг жилийн сарын эрте байхад*).

Другими семантически ключевыми лексемами будут слова *эрт[эн]* ('ранний, древний') и *урьд* ('ранний, прежний'; ср. также бурят. *урай, ураа* 'прежде, раньше'), употребляемые либо порознь — одно вместо другого, либо вместе, дополняющими друг друга (*Эртэ урд цагт...*; *Эрт урьдын цагт...*; *эртээн урида цагта...*; *erte uridu caɣ-tu...*; *erte uridu-yin caɣ-tu...*); кстати, оба они (*erte* и *uridu*) принадлежат к общеалтайскому лексическому фонду и могут быть возведены к единой основе [Севортян 1974:

302–304, 369–371]. Кроме того, время может характеризоваться словами *эх[эн]* (калм. *эжн*) ‘начальный, первый’, *анх[ан]*, *түрүүн* ‘(перво)начальный’ (*эжэн анхан түрүн цагтл...*), *уртани* (бур. *Уртани уран сагто...*) ‘долгий, длинный’ (‘долго продолжавшийся’, или ‘удаленный [от нас?]’), а также *язгуур* ‘корень, происхождение’ (*erte ijaγur-un üy-e-du...; erte ijaγur-un sar-un erte üy-e-du...*).

Третью группу составляют эпитеты *сайн* ‘добрый, хороший’, *эрдэн[эт]* (калм. *эрднин*) ‘драгоценный’, *уран* ‘искусный’, *урин* ‘теплый’, *элдин* (бур.) ‘привольный’, *баян* ‘богатый’, *эрэн* ‘мужественный’ (*эртэ урд нэгэн сайн цагт...; Эртни эрэн сагто / Энхэ байан сагто...; Урин элдин сагта...; Уранэ ураа сагта / Уранэ байан сагта ...; эрднин экн цагт...*).

Наконец, довольно часто встречается определение *нэг[эн]* ‘одно; некое’ (*эрт нэгэн цагт...; Урда нэг цакта..., Урда нэгэ цакта...; erte urid nigen сау...; эртэ урд нэгэн сайн цагт...; Эрт урд нэгэн сайн цагт...*), в контексте сказки придающее всей формуле оттенок неопределенности, а в эпосе, очевидно, синонимичное указательному местоимению *тэр* ‘то [самое]’.

Итак, основные компоненты формулы «раннего времени» суть следующие (Табл. II):

Таблица II

Время	Раннее	Доброе
<i>цаг, саг</i> (бур.) ‘время, час’	<i>эрт</i> ‘ранний, древний’ <i>урьд</i> , ‘ранний, прежний’ <i>урдань, урданай</i> (бур.) ‘(давным-)давно’	<i>сайн</i> ‘добрый, хороший’, <i>эрдэн(эт), эрднин</i> (калм.)
<i>үе</i> ‘период, эпоха, время’	<i>урай, ураа, урай</i> (бур.) ‘прежде, раньше’ <i>анх(ан), түрүүн</i> ‘(перво)начальный’	‘драгоценный’, <i>уран</i> (бур.) ‘искусный’, <i>урин</i> ‘теплый’, <i>элдин</i> (бур.)
<i>жил, жэл</i> (бур.) ‘год’	<i>эх(эн), экн</i> (калм.) ‘начальный, первый’	‘привольный’, <i>баян</i> ‘богатый’, <i>эрэн</i> ‘мужественный’
<i>сар</i> ‘месяц’	<i>уртани</i> (бур.) ‘долгий, длинный’ <i>язгуур</i> ‘корень, происхождение’	

Обратим внимание на подбор квалифицирующих эпитетов «раннего времени» (см. третью группу его определений): *эрдэн(эт)*, *эрднин* (калм.) ‘драгоценный’, *уран* (бур.) ‘искусный’, *элдин* (бур.) ‘привольный’, *эрэн* ‘мужественный’. Весьма характерен параллелизм формул *эртин экн цагт* и *эрднин экн цагт* (калм.), *урда эртэ цакта* (дархат.) и *uridu erden-u сау-tu* (вост.-

монг.), **ура** (*ураа, урай*) *сагта* и **уране** *сагта* (алар.). Можно быть уверенным, что в каждом случае «исходной» является первая формула, в то время как вторая, «зависимая», есть фонетически и, что важно, семантически мотивированная замена ключевого слова: *эртэ, эртин* ('ранний') на *erden, эрднин* ('драгоценный'), *ура, ураа, урай* ('прежний') на *уране* ('искусный').

Обратимся теперь к структуре эпического зачина. Рассмотрим зачин эхирит-булагатского эпоса «Аламжи-мэргэн», имеющий весьма характерную композиционную организацию (см. Табл. III):

Таблица III

<p>[стк. 1–8 — внесюжетный запев] Он родился, говорят, 10 <i>В стародавние времена, В пору славного времени, Когда бумага была [совсем] тонкой, Тогда родился он, говорят, Тогда появился на свет, говорят.</i> 15 <i>Когда без поясов было легко, Когда без рукавиц было тепло, Тогда родился он, говорят, Тогда появился на свет, говорят.</i> <i>Вслед за тем:</i> 20 <i>В старое доброе время, Когда снег был [совсем еще] белым, Когда бумага была [совсем] тонкой, Родился-появился он, говорят,</i> <i>Вслед за тем:</i> 25 <i>Как не сказать «ай!».</i> Под крыльями семидесяти семи тэнгриев Он родился, Под крыльями девяноста семи тэнгриев</p>	<p>Он родился. 30 <i>Вслед за тем: Как не сказать «ай!».</i> <i>Когда распускалось Первое дерево. Когда отелилась</i> 35 <i>Могучая изюбриха, Родился он, говорят. Когда толстое дерево Еще кустиком было, Когда старший из ханов</i> 40 <i>Еще в колыбели лежал, Родился он, говорят. Когда река Ангара широкая Еще ручейком текла, Когда абарга рыба огромная</i> 45 <i>Еще мальком была, Родился он, говорят.</i> <i>Вслед за тем: Вот чудеса какие! Когда мангалхай могучий</i> 50 <i>Еще бедным-немошным был, Когда птица тураг громадная Еще с жаворонка была, Родился он, говорят. Вот чудеса какие!</i> 55 <i>На берегу Огромного внешнего моря он родился, На краю</i></p>
--	---

Великой земли-матери
он родился,
Родился и зажил счастливо.
[60] В стороне восточного хана,
На земле стороны восточной
Родился он, появился.
На тех тридцати холмах, —
На перепутье трех сторон
[65] Родился и зажил счастливо.
**Он родился хозяином
Богатой, привольной земли,
С бурливыми горными
[реками],
С несчетными выдрами.**
[70] Он родился хозяином
Широкой, привольной
земли,
С говорливыми горными
[ручейками],
С несчетными соболями —
Вот каким он родился!
[75] Он родился-поднялся
На земле целебной,
питающей,
С несчетными ягнятами.
Он хозяином обосновался
На земле целебной,
врачующей,
[80] С несчетными
козлятами.
Он родился хозяином
Цветущей, прекрасной
земли,
С лунной стороны
обдуваемой.
Он родился владельцем
[85] Зеленой, цветущей
земли,
С солнечной стороны
овеваемой.
Он родился у подножий
Пяти могучих гор,
Он родился у истока

[90] **Таежного студеного
родника.
Близ таежного
Студеного родника
Целебная красная
лиственница выросла:
С северной стороны**
[95] **Золотые листья
у нее распустились,
С южной стороны
Серебряные листья
у нее распустились.**
Близ высокой черной горы,
Близ огромного черного моря
[100] Он родился.
На берегу великих вод
морских
Он родился.
Вслед за тем:
«Человеком рожден я,
[105] Сыном людей рожден я,
Мужчиной рожден я,
Сотворен Эсэгэ Маланом!» —
Так он говорил-сказывал.
Поднялся он
[110] На холм из цельного
серебра,
На котором никто еще не бывал,
На который скакун
еще не ступал,
Которым никто еще не владел.
После всего этого:
[115] *Он отправился в лес,
Стал лесные деревья
Валить и складывать в кучу,
Под корень их срезая,
Верхушки им обрубая.*
[120] *Вслед за тем:
Он собирал деревья,
В большую кучу их сваливая
На холме из цельного серебра,
Которым еще человек
не владел...*

Как можно убедиться, этот зачин состоит из четырех тематических блоков (они выделены разным шрифтом).

Один из них (стк. 32–53) соответствует архаической модели «расширяющейся вселенной», когда основные компоненты мироздания (*небесные светила—огонь—гора—река (море/океан)—дерево—зверь—птица—рыба—демон—бог—первый государь—первые люди*) вырастают из своего рода «космических эмбрионов», причем каждой «завершенной» форме соответствует форма «эмбриональная», указание на которую имеет либо объектный, либо процессуальный характер [Неклюдов 2005а: 120–123]. На более широком материале эта модель может быть представлена следующим образом (Табл. IV):

Таблица IV

1 Завершенная форма	2 Эмбриональная форма
солнце (огненно-красное)	звезда
огонь	только краешек
гора Хэнтэй-хан	утес
гора Сумеру	перевал, холм, камень
Ангара-большое море (река)	ручеек
[реки] Керулен и Тола	лужи
река Ганг	ручей
Молочное море, море Сун	лужа
море Бум	лужица
Хангайское дерево	побег
толстое дерево	куст
крайнее (сандаловое) дерево	куст
Кальпаврикша — сандал	куст
пятнистый олень	оленок
седой аргали	теленок
полосатый изюбрь	детеныш
Хатан-Хара	жеребенок
77 царей нижней стороны	малые дети
старший из ханов	в колыбели
Дайван (Дайбун)-хан	младенец (в колыбели)
люди сансары	(первая?) пара
солнце и луна	только всходили
луч желтого солнышка	впервые пал
бугор земли	только начал желтеть
первое дерево	распускалось
листья и цветы	только распускались
могучая изюбриха	только отелилась
великие народы мира	начинали подрастать

Другой тематический блок (со стк. 115) представляет собой начало фрагмента, обычно завершающего экспозицию и рассказывающего и строительстве дома героя [Неклюдов 2005a]. Еще два блока, разворачивающих характеристику времени и места рождения героя, семантически близки и различаются прежде всего тем, что первый (стк. 10–23) в большей степени описывает время (назовем это «золотой век»), а второй (стк. 66–102) — пространство в котором будет происходить действие (назовем его «райская земля»). См. Табл. V:

Таблица V

Золотой век	Райская земля
пора славного времени	широкая, привольная земля
старое доброе время	с говорливыми горными [ручейками]
родился он <...> когда	целебная, питающая земля
без поясов было легко	с несчетными ягнятами
без рукавиц было тепло	целебная, врачующая земля
снег был	с несчетными козлятами
[совсем еще] белым	цветущая, прекрасная земля
бумага была	с лунной стороны обдуваемая
[совсем] тонкой	зеленая, цветущая земля
	с солнечной стороны овеваемая
	у подножия пяти могучих гор
	исток таежного студеного родника
	близ таежного студеного родника
	целебная красная лиственница
	с северной стороны лиственницы
	золотые листья распустились
	с южной стороны
	серебряные листья распустились

* * *

Итак, эпический зачин имеет следующие основные функции:

- (1) соотнесение эпических событий с мифологическим «ранним временем»,
- (2) определение этого времени как эпохи первотворения (образ «расширяющейся вселенной»),
- (3) характеристика данной эпохи как «золотого века»,
- (4) характеристика только что созданного пространства как «райской земли»,

(5) представление эпического героя, рождение которого синхронизировано с актом космогенеза, а местом пребывания является изображаемая в зачине «райская земля».

Описываемый в зачине космический универсум совершенен и гармоничен, зло вообще не присутствует в нем, а если оно и упоминается, то не как существующее здесь и сейчас: *В начале доброго времени / В конце дурного времени... Когда многочисленные злые [демоны] шулму / Были заключены в аду...* [Ринчинсамбуу 1960, № 1]. Богатырь как ровесник мироздания, является гарантом его гармонического состояния — в той же степени, в какой герой типологически более поздних эпических произведений становится защитником эпической державы (часто единственным). Это необходимо, поскольку гармония непременно будет нарушена смиренными в процессе космогенеза силами первоначального хаоса, вторгшимися из хтонической бездны или с периферии этого прекрасного, но еще столь хрупкого юного мира. Чем полнее и подробнее описание изначальной гармонии, тем драматичнее вторжение. Однако в конце концов демонические силы (в более поздних формах превращающиеся во враждебных иноплеменников / иноверцев) будут подавлены богатырем, своей деятельностью как бы продолжающим процесс первотворения.

Таким образом, сообщаемые в зачине сведения следует рассценивать как манифестацию универсалий базовой семантики, полнота которой достигается за счет избыточности исходных репрезентаций их инвентаря. В представлении героя и хронотопа последующих событий можно усмотреть наглядную иллюстрацию процедуры *а к т о р и а л и з а ц и и*, *т е м п о р а л и з а ц и и*, *спациализации* (т. е. установления актанта, времени и пространства), согласно «генеративной семантике» [ГРЕЙМАС–КУРТЕ 1983: 518–526].

Но почему сама традиция бывает в одних случаях склонна уделять столь большое внимание этой сюжетно незначимой части, а в других — подвергать ее столь же основательной редукции, ограничиваясь минимумом сведений, очевидно, с какой-то точки зрения самым необходимым? О чем свидетельствуют столь значительные колебания объемов эпического зачина?

Если вспомнить, что бурятские (западнобурятские, особенно эхирит-булагатские) традиции наиболее архаичны в фольклоре монгольских народов, крайнюю позицию по отношению

к которым занимают, с одной стороны, собственно монгольские (халхаские и восточномонгольские), а с другой — калмыцкий «Джангар», то мы должны прийти к выводу, что особенно разработанный и пространственный зачин есть продукт относительно позднего развития эпоса. Это подтверждается и соотношением размеров зачина в бурятском эпосе о Гесере: он минимален в архаической эхирит-булагатской версии (389 стк., что составляет примерно 1/25 или даже 1/50 текста, если считать всю циклизированную эпопею), и значительно больше в унгинской (667–1004 стк., т. е. примерно 1/20–1/8 всего текста. Кстати, в согласии с предположением о вторичности более обстоятельных и развернутых зачинов по сравнению с лаконичными находится и сделанный ранее вывод о вторичности «квалифицирующих» определений «раннего времени» («драгоценного», «искусного», «привольного», «мужественного») как эпитетов, фонетически и семантически производных от ключевых слов *erte* и *uridu* ('ранний', 'прежний').

Можно предположить, что наиболее архаическая традиция и не нуждалась в специальных мифологических репрезентациях, поскольку соответствующая картина мира входила во всеобщее фоновое знание. По мере деактуализации этой картины мира стала появляться потребность в ее дополнительной экспликации, характер которой хорошо виден на примере зачинов эхирит-булагатского эпоса. Дальнейшее же разрастание эпического зачина (скажем, в ойрат-калмыцких традициях) уже не имеет прямых мифологических мотиваций, он обретает самодовлеющее поэтическое значение, испытывая влияние панегирического, величального фольклора (*магтаал*).

Л и т е р а т у р а

БИТКЕЕВ–ОВАЛОВ 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / Сост. Н. Ц. БИТКЕЕВА, Э. Б. ОВАЛОВА. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.

ВЛАДИМИРЦОВ 1923 — Монголо-ойратский героический эпос / Пер., вступ. ст., примеч. Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА. Пб.-М., 1923.

ГРЕЙМАС–КУРТЕ 1983 — А. Ж. Греймас, Ж. Курте. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / Сост., вступит. ст. и ред. Ю. С. СТЕПАНОВА. М.: Радуга, 1983.

ЖАМЦАРАНО–РУДНЕВ 1908 — Образцы монгольской народной литературы. Вып. 1. Халхаское нарѣчје / Ред. Ц. Ж. ЖАМЦАРАНО, А. Д. РУДНЕВЪ. СПб., 1908.

Кичиков 1978 — Жанһър. Хальмг баатарлг дуулвр (25 болгин текст). В 2-х томах / Сост. А. Ш. Кичиков. М., 1978.

Кичиков 1992 — А. Ш. Кичиков. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М., 1992 (2-е изд. — 1994).

Кичиков 1999 — Джангар (Малодербетская версия) / Сводный текст, перевод, вступит. ст. А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 1999.

Неклюдов 1984 — С. Ю. Неклюдов. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М., 1984.

Неклюдов 1999 — С. Ю. Неклюдов. Мифо-эпический синтез в монгольском фольклоре (восточномонгольское «Сказание о кальпе») // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении / Отв. ред. Н. Р. Лидова, Н. И. Никулин. М.: «Наследие», 1999, с. 193–212.

Неклюдов 2005а — С. Ю. Неклюдов. Дворец хана Джангара: к типологии одного мотива // Исследователь монгольских языков (К юбилею Б. Х. Тодаевой) / Отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: ОПП «Джангар», 2005, с. 124–133.

Неклюдов 2005б — С. Ю. Неклюдов. Мифологическая семантика в зачинах монгольского эпоса // Opera altaistica professori Stanislawo Kałuzynski octogenario dicata. Rocznik Orientalistyczny. Tom LVIII. Zeszyt 1. Warszawa, 2005, p. 117–132

Неклюдов, Тумурцерен 1982 — С. Ю. Неклюдов. Тумурцерен Ж. Монгольские сказания о Гесере. Новые записи. М., 1982.

Севортян 1974 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: «Наука», 1974.

Тулоханов 1991 — Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон / Сост. М. И. Тулоханова. Новосибирск: «Наука», 1991.

Уланов 1960 — Абай Гэсэр / Вступ. ст., пер. и коммент. А. И. Уланова, Улан-Удэ 1960.

Хомонов 1961 — Абай Гэсер-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант) / Подгот. текста., пер. и примеч. М. П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ, 1961.

Хомонов 1964 — Абай Гэсер-хубун. Ч. II. Ошор Богдо и Хурин Алтай / Подгот. текста., пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1964.

Хомонов 1968 — Еренсей. Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ: Бур. книжное из-во, 1968.

КАТУУ–ЛУВСАНБАЛДАН 1982 — Бужин Даваа / Эмхтгэгч Б. КАТУУ, Х. ЛУВСАНБАЛДАН. Улаанбаатар, 1982.

НАМНАНДОРЖ 1960 — О. Намнандорж. Хилин Галзуу баатар. Улаанбаатар, 1960 (SF. Т. 1. Fasc. 9).

НАРАНТУЯА 1991 — Халх ардын тууль / Эмхтгэгч Р. НАРАНТУЯА. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1991.

РИНЧИНСАМБУУ 1960 — Монгол ардын баатарлаг туульс / Эмхтгэгч Г. РИНЧИНСАМБУУ. Улаанбаатар, 1960 (Studia folclorica. Т. I. Fasc. 7).

Heissig 1979 — W. Heissig. Mongolische Epen VIII. Übersetzung von sechs ostmongolischen Epen. Wiesbaden, 1979 (AF. Bd. 60).

Veit 1977 — V. Veit. Mongolische Epen VII. Übersetzung von drei südmongolischen Epen. Wiesbaden, 1977 (AF. Bd. 54).